Галлант

Автор:
Виктория Шваб

Галлант

Виктория Шваб

Universum. Магический реализм. Бестселлеры Виктории Шваб

Оливия Приор живёт в школе для девочек-сирот. Она не может говорить, зато умеет видеть призраков. Всё, что осталось у неё от семьи – дневник матери и загадочное предостережение: держись подальше от Галланта.

Всё меняется, когда Оливия получает письмо от давно потерянного дяди, который зовёт племянницу домой. Кажется, её мечты сбылись… но когда Оливия прибывает в особняк Приоров, там её никто не ждёт. Дядя мёртв уже год. Кузен хочет, чтобы она ушла. А по коридорам особняка бродит призрак матери, и Оливия хочет знать, что убило её. Кто звал девочку домой. И почему мать не хотела, чтобы Оливия приезжала сюда, в родовое поместье Приоров, имя которому – Галлант…

Готическая повесть от автора международного супербестселлера «Незримая жизнь Адди Ларю». Для поклонников «Коралины» Нила Геймана и «Багрового пика» Гильермо дель Торо. Атмосферный бестселлер #1 New York Times. Отважная юная героиня, призраки и особняк, скрывающий страшные тайны за запертыми дверьми. Что прячется по ту сторону? Галлант ждёт вас!

Виктория Шваб

Галлант

V.E. Schwab

GALLANT

GALLANT © 2022 by Victoria Schwab

© Е. Николенко, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Тем, кто ищет врата,

в ком хватит смелости их отворить,

а порой хватит духа создать собственные

Хозяин дома стоит у садовой стены. В центре длинной каменной изгороди – железная дверь, запертая на засов. Меж дверью и камнем есть узкая щель, и когда ветерок дует в нужном направлении, он приносит сладкий, будто дыня, запах лета и тепло далекого солнца.

Сегодня ветерка нет.

И луны нет, но все же сад залит лунным светом, что падает на истрепанные в клочья полы плаща и блестит на просвечивающих сквозь кожу костях.

Он ведет рукой по стене, ища трещины. Следом ползут упрямые усики плюща и, будто пальцы, заглядывают в каждую. Вот неподалеку вырвался на свободу камешек, упал на землю, и в щели показался кусочек чужой ночи.

Виновница, полевая мышка, карабкается по стене, а потом прыскает вниз, перескакивая через ботинок хозяина. С ловкостью змеи господин ловит ее одной рукой. Он склоняется к трещине. Смотрит белесыми глазами на ту сторону. На другой сад. Другой дом.

Мышь извивается в его ладони, и хозяин сжимает ее.

– Тшш… – шепчет он, и голос шелестит, словно воздух в пустой комнате.

Хозяин прислушивается к звукам с той стороны, тихому щебету птиц, ветру, что шуршит в густой листве, далекой мольбе спящего.

Улыбнувшись, берет с земли обломок камня и снова вставляет в стену, где тот замирает в ожидании, будто ждущий своего часа секрет.

Мышка уже не корчится в тесной хватке. Хозяин раскрывает ладонь, но там ничего, лишь горстка пепла, трухи и несколько белых зубов, размером чуть больше зернышек. Он бросает их в истощенную землю; любопытно, что же прорастет.

Часть первая

Школа

Глава первая

Дождь барабанит пальцами по садовому сараю. Строение так именуют, но в окрестностях Мериланса нет никакого сада, да и сараем хибарку едва ли можно назвать.

Груда дешевого железа да трухлявой древесины осела набок, будто увядший росток. Пол завален брошенными инструментами, обломками разбитых горшков, окурками ворованных сигарет. Посреди всего этого в ржавой тьме стоит Оливия Прио?р и мечтает закричать.

Мечтает превратить боль, исходящую от свежего рдеющего рубца на руке, в шум, опрокинуть сарай, как опрокинула кастрюлю на кухне, когда об нее обожглась. Хлестнуть стены, как жаждала хлестнуть Клару за то, что та оставила плиту включенной, да еще имела наглость хохотнуть, когда Оливия вздохнула и решила не связываться. Ослепляющая вспышка боли, раскаленная лава гнева, злость кухарки и поджатые губы Клары, бормочущие: «Ей же не больно, она и не пикнула!»

Оливия придушила бы мерзавку прямо на месте, если бы ладонь не жгло, если бы кухарка не болталась поблизости и не стала бы ее оттаскивать, если б добилась своим поступком большего, чем минутное удовольствие и недельное наказание. Потому Оливия сделала лучшее, что могла в тот миг: бросилась вон из душной гробницы, а кухарка рванула следом.

Теперь Оливия прячется в садовом сарае, мечтая устроить шум, подобный грохоту дождя по низкой жестяной крыше, схватить одну из брошенных лопат и колотить по тонким железным стенам, чтоб раздался звон. Но тарарам услышит кто-нибудь другой, придет и отыщет ее в маленьком тайном убежище, и тогда Оливии будет не скрыться. Не скрыться от девочек. Не скрыться от матушек. Не

скрыться от школы.

Затаив дыхание, Оливия прижимает горящую ладонь к холодной железной стене и ждет, пока боль утихнет.

Сам по себе сарай вовсе не тайна.

Он находится за школой, за гравийной дорогой, на задворках Мериланса. За эти годы кое-кто из девочек пытался в нем обосноваться, чтобы пить, курить или целоваться тайком, но сбегав туда разок, они больше не возвращались. Говорили, от сарая у них мороз по коже.

Волглая земля, паутина и кое-что еще – жуткое ощущение, от которого волосы встают дыбом, хоть и непонятно почему.

А вот Оливии понятно.

Это из-за мертвой твари в углу. Или того, что от нее осталось. Не совсем призрак, лишь клочок изодранной тряпки, горстка зубов и полусонный глаз, плавающий во тьме. Покосившись, Оливия видит его, он копошится на краю зрения, будто чешуйница, но стоит вглядеться пристальнее – тотчас исчезает. Однако если замереть неподвижно и смотреть строго вперед, не отводя взгляда, тварь отрастит скулу, глотку, приблизится, моргнет, улыбнется и станет невесомой тенью вздыхать рядом.

Конечно, она гадала, кем призрак был прежде, когда у него еще имелись кости и кожа. Глаз парит выше роста Оливии; как-то она заметила край чепца, обтрепавшийся подол юбки и подумала – наверное, это одна из матушек-наставниц. Впрочем, уже неважно. Теперь она стала гулем, что притаился за ее спиной.

Уходи, думает Оливия, и, наверное, существо слышит ее мысли: оно вздрагивает и снова растворяется во мраке, оставив ее в маленьком сарае одну.

Когда Оливия была младше, она любила притворяться, что это ее дом, а не Мериланс. Будто мама и папа мгновение назад ушли, а Оливию оставили прибраться. Конечно, они вернутся.

Как только дом будет готов.

Тогда Оливия убирала пыль и паутину, складывала черепки горшков и наводила порядок на полках. Но как ни старалась она похозяйничать в маленьком сарае, ей никогда не удавалось вычистить его настолько, чтобы вернуть родителей.

Дом – это выбор.

Эти слова написаны посреди страницы в дневнике матери, а вокруг столько белого пространства, что фраза кажется загадкой. По правде говоря, все, написанное матерью, кажется загадкой, которая ждет, чтобы ее разгадали.

Дождь стихает, звуки его уже не похожи на грохот кулаков, скорее на негромкое редкое постукивание скучающих пальцев. Оливия со вздохом выходит наружу.

Там сплошная серость. Серый день растворяется в серой ночи, тусклый серый свет озаряет серую гравийную дорогу, что огибает серые каменные стены школы Мериланс для девочек.

При слове «школа» обычно воображаешь стройные ряды деревянных парт, шкрябанье карандашей. Обучение… Здесь и правда учили, но образование было лишь поверхностным, скорее практическим. Как чистить камин. Как вылепить из теста буханку хлеба. Как чинить чужую одежду. Как существовать в мире, где твое присутствие нежелательно. Как стать призраком в чьем-то доме.

Мериланс именуется школой, но, по правде говоря, это приют для юных, одичавших и просто невезучих. Осиротевших и никому не нужных. Унылое серое здание торчит, будто надгробный камень, только не в парке среди зеленых просторов, а на краю города, где его окружают другие мрачные и покосившиеся строения, чьи дымоходы хрипло плюются чадом.

У школы нет ни ограды, ни железных ворот, лишь пустая арка, которая словно гласит – «Проваливайте, коли вам есть куда». Но если уйдешь – а девушки время от времени уходят, – назад тебя не примут. Раз в год, а то и чаще, ушедшая стучит в дверь, отчаянно пытаясь попасть обратно. Так остальные узнаю?т, что мечтать о счастливой жизни и милом доме – это хорошо, но даже мрачный склеп школы лучше, чем улица.

И все же порой Оливию одолевает искушение.

Иногда она смотрит на арку, зияющую подобно разинутому рту в конце гравийной дорожки, и думает: «А вдруг…», «Я могла бы…», «Когда-нибудь…».

Вот как-нибудь ночью она проберется в комнаты матушек, схватит что попадется под руку и сбежит! Станет бродягой, грабительницей поездов, воровкой-форточницей или мошенницей, как в дешевых книжонках Шарлотты, подношениях того мальчишки, с которым однокашница раз в неделю встречается у канавы.

Оливия воображает сотни всевозможных вариантов собственного будущего, но каждую ночь по-прежнему забирается на узкую приютскую койку в переполненной спальне, в доме, который никогда не был родным и не станет. И каждое утро она просыпается на прежнем месте.

Оливия шаркает по двору, ботинки размеренно шуршат об гравий. Она не отрывает взгляда от земли, ища хоть что-то яркое. Иногда, после хорошего дождя, между камнями пробьется пара травинок или на валуне блеснет упрямый мох, но эти дерзкие краски недолговечны. А цветы Оливия видела лишь в кабинете директрисы, да и те искусственные, увядшие, шелковые лепестки давно посерели от пыли.

И все же, огибая школу и направляясь к боковому входу, который она нарочно оставила открытым, Оливия замечает желтый штрих. Меж камней пробивается маленький сорный цветок. Она опускается на колени, не обращая внимания на больно впивающийся в них гравий, и осторожно поглаживает крошечный бутон. Оливия уже собирается его сорвать, но вдруг слышит топот башмаков по дорожке и шорох юбок.

Матушка.

Все они похожи одна на другую в своих некогда белых одеяниях с некогда белыми поясами. И все же это не так. У матушки Джессамин натянутая улыбка, будто во рту лимон, у матушки Бет – глубоко посаженные глаза, а под ними мешки; тонкий и писклявый голос матушки Лары смахивает на свист чайника.

А еще есть матушка Агата.

– Оливия Прио?р! – запыхавшись, рявкает она. – Что это ты делаешь?

Оливия поднимает руки, хотя знает – толку не будет. Матушка Сара научила ее жестам, и все шло хорошо, но наставница покинула школу. А остальным и дела нет до языка немых.

Теперь неважно, что говорит Оливия. Никто не умеет слушать.

Агата сверлит ее взглядом, будто на лбу у Оливии светится «замышляю побег». Она уже на полпути к матушке, когда та нетерпеливо хлопает в ладоши.

– Где – твоя – доска? – громко и медленно произносит она, будто Оливия глухая.

Но она не глухая. Что же до меловой доски, та вместе с маленькой веревочкой на шею задвинута за банки с вареньем в подвале, где и покоится с тех самых пор, как ее подарили.

– Ну? – требовательно вопрошает матушка.

Оливия машет головой и изображает простейший жест, обозначающий дождь, и повторяет несколько раз для верности. Но Агата только недовольно цокает, хватает ее за руку и тащит в дом.

– Ты должна быть на кухне, – бурчит матушка, ведя Оливию по коридору. – Уже ужин, а ты не помогала с готовкой.

И все же, судя по доносящемуся аромату, еда каким-то чудом готова… Они подходят к столовой, откуда доносятся голоса девочек, но матушка толкает Оливию дальше.

– Кто не работает, тот не ест, – провозглашает Агата, будто это девиз Мериланса, а не то, что она сию минуту придумала.

Матушка довольно кивает, а Оливия представляет, как та вышивает эти слова на подушке.

Они подходят к спальной комнате с парой десятков маленьких полок возле пары десятков белых и тонких как спички кроватей. Все они пусты.

– В постель, – велит матушка, хотя на улице еще светло, и добавляет: – Возможно, теперь у тебя найдется время поразмыслить, как должна вести себя воспитанница Мериланса.

Оливия предпочла бы наесться стекла, но старательно кивает, изо всех сил изображая раскаянье. Даже делает книксен, низко склонив голову, правда, лишь для того, чтобы матушка не увидела ее осторожную и вызывающую улыбку. Пусть старая карга думает, что ей жаль. Люди много чего думают об Оливии.

Большинство из них ошибается.

Матушка удаляется, явно не желая пропускать ужин, и Оливия входит в спальню. Она медлит у изножья первой кровати, прислушиваясь к шороху юбок.

Только он затихает, Оливия снова выскальзывает в коридор и направляется за угол, к комнатам матушек.

У каждой – собственная спальня. Двери заперты, но ключи старые и простые, зубцы самые обычные.

Достав из кармана кусок прочной проволоки, Оливия припоминает форму ключа матушки Агаты: зубцы в форме большой «Е». Немного возни, но вскоре замок щелкает и дверь распахивается. За ней маленькая опрятная спальня, заваленная подушками, на которых вышиты короткие изречения.

«Всё по милости Божьей».

«Всему свое место».

«Дома порядок – на душе покой».

Огибая кровать, Оливия поглаживает выпуклые слова.

На подоконнике – маленькое зеркало. Проходя мимо, Оливия замечает угольные волосы, бледные щеки и вздрагивает. Но это лишь ее собственное отражение. Тусклое. Бесцветное. Призрак Мериланса. Так называют ее другие девочки. Но ей нравится слышать, как они с запинкой произносят ее имя, нравится намек на страх в их голосах. Она смотрит на себя в зеркало. И улыбается.

Оливия опускается на колени возле прикроватной тумбочки матушки Агаты.

У каждой наставницы – свои слабости. У Лары – сигареты, у Джессамин – леденцы, у Бет – бульварные книжонки. А как же Агата?

Хм, у нее слабостей несколько. В верхнем ящике булькает бренди, а под ним – жестянка с печеньем, покрытым сахарной глазурью, и бумажный пакет с клементинами, яркими, словно маленькие солнышки. Оливия берет три печенья, клементин и бесшумно удаляется в пустую спальню, чтобы насладиться ужином.

Глава вторая

На своей узкой койке Оливия устраивает пикник. Печенье она съедает сразу, а клементин смакует, одной длинной лентой сняв кожуру. Под ней – яркие дольки. Вся комната пропахнет ворованным цитрусом, но Оливии плевать. На вкус он словно весна, словно бег босиком по траве, словно теплая и утопающая в зелени поляна.

Кровать Оливии – в дальнем конце спальни, и пока ешь, можно опереться спиной на стену. И это хорошо, потому что тогда видна дверь. И мертвая тварь на кровати Клары.

Этот гуль не такой, как тот, первый. Он меньше. У него узловатые локти и колени, а еще немигающий взгляд. Наблюдая, как Оливия ест, тварь дергает себя за растрепанную косу. В ее облике, в движениях сквозит что-то девичье. Она дует губы, склоняет голову, шепчет Оливии на ухо, пока та пытается заснуть, шепчет тихо и бесшумно, слов не слышно, лишь воздух касается щеки.

Оливия хмуро таращится на нее, пока дух не исчезает.

В том и загвоздка: неупокоенные хотят, чтобы на них смотрели, но ненавидят, когда их замечают.

Зато им нельзя ее коснуться! Как-то с отчаяния Оливия потянулась к ближайшему гулю, но пальцы прошли насквозь. Она не почувствовала ни потустороннего ветерка, ни даже колебаний воздуха. И ей полегчало: теперь Оливия знает, что они невзаправдашние, их нет здесь по-настоящему, только и могут, что улыбаться, хмуриться или дуться.

Из-за двери доносятся другие звуки.

Оливия прислушивается к суматохе: это в столовой в конце коридора заканчивают ужинать, раздается стук трости старшей матушки – та встает прочитать вечернее наставление о чистоте или о доброте и скромности. Матушка Агата, разумеется, тоже будет слушать, готовясь вышить очередное изречение на подушке.

В спальне из всей речи слышно лишь шорохи и шелест. Опять повезло, думает Оливия, смахивая с постели крошки и пряча солнечную ленту кожуры под подушку, где та будет сладко пахнуть. Оливия тянется к безделушкам на своей полке.

Возле каждой койки есть полка, правда, вещи на них разные. У некоторых девочек – кукла, подаренная благотворителями или сшитая своими руками. У других – любимая книга, у третьих – вышивка на пяльцах.

На полке Оливии в основном блокноты для рисования и банка карандашей, коротких, зато острых (Оливия талантливая рисовальщица, и хоть матушки Мериланса не очень-то пестуют ее дар, но и не пренебрегают им). Однако сегодня пальцы Оливии скользят мимо блокнотов к зеленому дневнику, что

притулился в самом конце.

Он принадлежал ее матери.

Мать Оливии всегда была загадкой, лакуной, силуэтом, чьи очертания едва заметно обозначают отсутствие фигуры.

Оливия осторожно берет дневник, поглаживает мягкую от старости обложку. Это последнее, что у нее сохранилось от жизни до Мериланса. Оливия появилась в этом мрачном каменном склепе, когда ей еще и двух лет не исполнилось, вся перепачканная, в платье, усеянном мелкими полевыми цветочками. По слухам, она просидела на ступеньках несколько часов до того, как ее нашли, потому что малышка никогда не плакала. Оливия этого не помнит. Вообще ничего не помнит из старой жизни. Не помнит даже голос матери, а что до отца, Оливия просто знает, что никогда его не видела. К тому времени, как девочка родилась, он уже умер, это Оливия поняла из записей.

Она запомнила каждую деталь дневника – от точного оттенка обложки до изящной буквы «Г» на лицевой стороне. Годами Оливия размышляла, какое имя она означает – Габриэль, Генриетта, Гертруда? Под буквой – две линии, не выдавленные или процарапанные, а будто выдолбленные. Две идеально параллельные бороздки, проходящие от края до края. Запомнила удивительные чернильные рисунки, что занимают целые страницы, и записи, сделанные материнской рукой, некоторые длинные, другие состоят всего лишь из нескольких слов, одни понятные, другие – обрывочные и зачеркнутые, и все адресованы «тебе».

В детстве Оливия думала – ей. Что мать сквозь время беседует с ней, что эти буквы – словно рука, протянувшаяся со страниц.

Если ты это читаешь, я в безопасности.

Прошлой ночью я видела тебя во сне.

Помнишь ли ты, когда…

Но со временем Оливия поняла, что «ты» – это кто-то другой. Ее отец.

Он ни разу не ответил, но мать продолжала, будто вела с ним диалог, странные, завуалированные записи об истории их отношений, о птицах в клетке, о беззвездных небесах, о его доброте, ее любви и страхе и, наконец, об Оливии. Их дочери.

Однако потом мать начала изъясняться путано, принялась писать о тенях, что крадутся во тьме, принесенных ветром голосах, зовущих домой. И вскоре изящные послания стали сумбурными, а потом и вовсе превратились в безумие.

Что же повлияло? Ночь, когда умер отец Оливии.

Он был болен. Мама писала об этом, мол, чем сильнее рос ее живот, тем больше увядал отец, и какая-то изнурительная хворь унесла его за несколько недель до рождения Оливии. А когда он умер, слегла и мать. Она сломалась. Прелестный почерк стал неровным, мысли – обрывочными.

Мне жаль,

я так хочу домой.

Оливия не любит задерживаться на этих страницах, отчасти потому, что это просто бред сумасшедшей. А еще потому, что вынуждена гадать – а вдруг безумие матери из тех болезней, которые передаются по крови? Вдруг оно спит внутри, в ожидании, когда его разбудят?

Записки, наконец, заканчиваются, их сменяют пустые страницы, и вот на обороте – последние строчки. Обращение не к отцу – живому или мертвому, – а к ней.

Оливия, Оливия, Оливия… – писала она, растягивая имя на страницу; взгляд девочки скользит по испачканной чернилами бумаге, пальцы поглаживают путаные клубки слов, линии, перечеркивающие текст, что оставила ее мать, пытаясь нащупать путь в чаще своих мыслей.

Вдруг Оливия краем глаза замечает какое-то мерцание: гуль. Он совсем близко, пугливо выглядывает из-за подушки Клары, склоняет голову и прислушивается. Оливия тоже. Она слышит шаги. И закрывает дневник.

Спустя секунду двери распахиваются, и в спальню входят девочки. Звонко щебечут, разбредаясь по комнате. Младшие, перешептываясь, косятся на Оливию, но стоит ей обернуться, прыскают мимо, как букашки, прячась в убежищах своих одеял. Старшие и вовсе не удостаивают взглядом. Притворяются, что ее здесь нет, но Оливия-то знает: они боятся. Сама в этом убедилась.

Оливии было десять, когда она показала зубы.

Ей было десять, она шла по коридору и вдруг услышала, как чужие уста произносят слова ее матери.

– Эти сны меня прикончат, – говорил голос. – Когда я сплю, то знаю, что должна проснуться. Но проснувшись, только о снах и думаю.

Дойдя до спальни, Оливия увидела Анабель с серебристо-белокурыми локонами – та чинно восседала на своей кровати и читала дневник горстке хихикающих однокашниц.

– В моих снах я всегда теряю тебя. А наяву ты уже потерян.

Произнесенные живым тонким голоском Анабель слова матери звучали иначе, ее безумие предстало как на ладони. Оливия попыталась забрать дневник, но Анабель отпрыгнула прочь, сверкнув злобной ухмылкой.

– Хочешь его? – спросила она, протягивая книжицу. – Так попроси!

Горло Оливии сжалось. Рот открылся, но оттуда не донеслось ни звука, лишь с сердитым шипением вырвался воздух.

Анабель прыснула от смеха. Оливия рванулась к ней, успев дотронуться до дневника, но еще две девчонки оттащили ее назад.

– Ну-ну… Нужно попросить, – погрозила Анабель пальцем и подошла ближе. – Даже кричать не требуется.

Она наклонилась к Оливии, будто та могла взять и прошептать, породить слово «пожалуйста» и выпустить его на волю.

– Она больная? – глумливо поинтересовалась Люси, сморщив нос.

Больная.

Оливия нахмурилась. Будто год назад не пробралась в лазарет, чтобы перерыть учебник анатомии, найти изображения рта и горла и скопировать каждое, а после ночью сидеть в кровати и ощупывать шею, пытаясь отыскать источник своей немоты, отыскать, чего именно не хватает.

– Ну давай, – подзуживала Анабель, высоко подняв дневник.

Когда Оливия по-прежнему ничего не сказала, мерзавка открыла чужую книгу, выставив на обозрение чужие записи, схватила страницы, что также ей не принадлежали, и принялась выдирать.

Этот звук – бумага, рвущаяся по шву, – показался Оливии самым громким в мире, она выпуталась из хватки других девчонок, ринулась к Анабель и вцепилась ей в горло. Та завопила, а Оливия сжимала ее шею, пока гадина не утратила речь и перестала дышать, а потом прибежали матушки и растащили их.

Анабель разрыдалась, а Оливия нахмурилась. Обеих девочек отправили спать без ужина.

– Это была просто шутка, – хныкала Анабель, свернувшись клубком на кровати, пока Оливия молча шаг за шагом вставляла вырванные страницы дневника,

вспоминая, как держала мерзавку за горло.

Благодаря учебнику анатомии она точно знала, где следует надавить.

Оливия поглаживает обрез дневника, из которого торчат вырванные страницы. Темные глаза мерцают, наблюдая за входящими в спальню девочками.

Кровать Оливии будто окружена крепостным рвом – вот на что это похоже. Маленький невидимый ручеек, который никто не в силах пересечь, превращает ее ложе в за?мок. В крепость.

Младшие девочки думают, что она проклята.

Старшие – что она совсем одичала.

Пока они к ней не лезут, Оливии на это плевать.

Анабель входит последней. Хватаясь за серебристо-белокурую косу, бросает взгляд в угол, где стоит кровать Оливии.

У той на губах расцветает улыбка.

Роковой ночью, когда вырванные страницы благополучно вернулись куда полагается, а свет был погашен и все девочки Мериланса уснули, Оливия встала. Она пробралась на кухню, взяла пустую банку и спустилась в подвал: место, где всегда одновременно сухо и сыро. Ушло час, может, и два, но ей удалось наполнить банку жуками, пауками и даже прихватить пяток чешуйниц. Она добавила пригоршню золы из очага старшей матушки, чтобы букашки оставляли следы, а потом прокралась обратно в спальню и опустошила банку над головой Анабель.

Проснулась та с воплем.

Со своей кровати Оливия смотрела на Анабель: излупив одеяло, она свалилась на пол. Послышались крики и других девочек; как раз вовремя подоспели матушки и увидели чешуйницу, выбирающуюся из косы Анабель. За происходящим наблюдал и дух, чьи плечи тряслись в беззвучном смехе. Когда Анабель выводили из комнаты, гуль воздел костлявый палец и поднес к полупрозрачным губам, словно поклявшись хранить тайну. Но Оливия вовсе не желала держать все в тайне. Она хотела, чтобы Анабель точно знала, кто это сделал. Кто заставил ее верещать от ужаса.

К завтраку Анабель вышла с подстриженными волосами. Она посмотрела прямо на Оливию, а та уставилась в ответ.

Давай, думала Оливия, не отводя взгляда от Анабель. Скажи что-нибудь.

Но Анабель промолчала. Однако к дневнику больше не прикасалась.

Прошли годы, белокурая коса Анабель давно отросла, но она все еще хватается за нее всякий раз, завидев Оливию, подобно тому, как других девочек научили креститься или опускаться на колени во время службы.

И Оливия всякий раз улыбается.

– В постель! – велит матушка, неважно которая.

Вскоре гаснет свет, в комнате воцаряется тишина. Оливия забирается под колючее одеяло, сворачивается клубочком спиной к стене, прижимая к груди дневник, и закрывает глаза, чтобы не видеть гуля, девчонок и мир Мериланса.

Оливия, Оливия, Оливия…

Я шептала это имя тебе в макушку,

помнишь?

Говорят, если любишь —

отпусти, но я чувствую лишь горечь утраты.

Мое сердце обратилось в прах,

Я не хочу покидать тебя, но больше не доверяю себе.

Прости, я не знаю, что делать…

Оливия, Оливия, Оливия, помни:

Призраки

не настоящие,

сны

никогда не причинят вреда.

Ты будешь в безопасности,

если станешь держаться подальше от Галланта.

Глава третья

Оливию похоронили заживо.

По крайней мере, ей так кажется. Кухня – душная нора в недрах школы, в воздухе клубится пар от кастрюль, стены каменные, и каждый раз, когда Оливию отправляют отбывать здесь повинность, ей мерещится, что ее замуровали. Будь она одна – не стала бы возражать.

В кухне нет гулей, зато всегда есть девчонки. Они щебечут, трещат, наполняя помещение шумом просто потому, что могут его производить. Одна рассказывает сказку о принце и дворце. Другая жалуется на ноющий живот, а третья сидит на столешнице, болтает ногами и вообще ничего не делает.

Оливия старается не обращать на них внимания, уткнувшись в миску с картофелем. Тускло поблескивает нож. За работой она разглядывает свои руки: тонкие, некрасивые, но сильные.

Эти руки способны говорить, хоть в школе почти никто не желает слушать. Руки, что умеют писать, рисовать и чертить идеальные линии. Руки, что, не дрогнув, могут отделить кожу от плоти.

Между указательным и большим пальцем притаился маленький шрам, но это было давно, и Оливия сама виновата. Она слышала, как, поранившись, кричали другие девочки. Резко вскрикивали или протяжно вопили. Черт, когда Люси однажды прыгала с кровати на кровать, то промахнулась и сломала ногу! Ну и реву было… И как-то раз Оливия рассеянно подумала: а если ее голос скрывается по ту сторону грани, нельзя ли его вызвать болью?..

Нож был острым, порез – глубоким. Кровь хлынула на столешницу, руку объял жар, проник в легкие, но из горла Оливии вырвался лишь короткий резкий вздох. Пшик, а не звук.

Увидев кровь, Клара закричала – пискляво, отвратительно, Амелия принялась звать матушек, а те, разумеется, сочли произошедшее несчастным случаем. Криворукая неумеха, ворчали они, а остальные девчонки шептались.

Казалось, шум издают все. Кроме Оливии.

Кроме той, которой хотелось кричать, но не от боли, а от ярости: внутри у нее столько звуков, а она не в силах их выпустить. И тогда Оливия пнула груду кастрюль, просто чтобы услышать, как те звенят.

Девчонки на той стороне кухни принялись болтать о любви. Они шепчутся, будто это секрет или украденная конфета, которую прячут в ладонях, а то и за щекой. Будто любовь – все, что им нужно. Будто на них наложено заклятие, и только любовь способна его снять.

Оливия не видит в том смысла: любовь не уберегла ее отца от болезни и смерти. Не уберегла мать от безумия и гибели.

Девочки говорят «любовь», но подразумевают – «жажда». Они жаждут быть нужными кому-то за стенами этого дома. Жаждут, чтобы их спасли мальчишки, которые болтаются у канавы, пытаясь заманить девочек на свою сторону.

Услышав о любезностях, обещаниях и будущем, Оливия закатывает глаза.

– Тебе-то откуда знать? – фыркает, поймав ее взгляд, Ребекка, тощая девчонка с чересчур маленькими и глубоко посаженными глазами. Оливия не раз изображала ее в виде ласки. – Кому ты нужна!

Она не знает, что прошлой весной был один парнишка… Он перехватил Оливию, когда та выходила из сарая. Они встретились взглядом, и парень улыбнулся.

– Поболтаем? – предложил он.

Нахмурившись, Оливия удалилась в школу. Но на следующий день он снова ее подстерег. В руке у него была желтая маргаритка.

– Это тебе, – сказал он.

Цветок Оливии хотелось заполучить больше, чем его внимание, и все же она перебралась на ту сторону канавы. Вблизи волосы парнишки на солнце отливали медью. Вблизи от него пахло сажей. Вблизи Оливия разглядела ресницы и губы – будто художник изучает предмет своего интереса.

Он ее поцеловал, и Оливия замерла, дожидаясь, не почувствует ли она то, что чувствовала мать, увидев отца в день, когда они познакомились. Искру, которая зажгла огонь, спаливший их мир. Но ощутила лишь чужую ладонь на своей талии, чужой рот на своих губах. Глухую печаль.

– Ты разве не хочешь?.. – спросил мальчишка, опуская руку ей на спину.

Оливия была не прочь захотеть, почувствовать то, что чувствуют другие девочки.

Но у нее не вышло. И все же желаний у нее было много. Она хотела кровать, которая не скрипит. Комнату, где нет всяких Анабель, матушек или гулей. Окно, выходящее на газон, воздух без привкуса сажи, живого отца и мать, что ее не покинула, а также будущего за стенами Мериланса.

Ей хочется всего этого, но Оливия провела в школе слишком много времени, она понимает, что ее желания не важны – важно самой быть желанной кому-то.

Она это знает и все же отталкивает мальчишку.

В следующий раз Оливия видит его, когда у канавы он склоняется к другой девочке, симпатичной худышке по имени Мэри, а та хихикает и шепчет ему что-то на ухо. Оливия ждала укола зависти, но ощутила лишь облегчение.

Закончив снимать шкурку с картофеля, Оливия рассматривает нож. Держит его на весу на тыльной стороне ладони, осторожно подбрасывает в воздух и ловит за ручку. И улыбается потаенной улыбкой.

– Чокнутая, – бормочет Ребекка.

Оливия поднимает взгляд, смотрит на нее и грозит ножом, будто пальцем.

Ребекка хмурится и отворачивается к другим девочкам, словно Оливия – призрак, на которого не стоит обращать внимание.

Зато разговоры о мальчиках, наконец, заканчиваются. Теперь обсуждают мечты.

– Я была на берегу моря…

– Да ты в жизни моря не видала!

– Что с того?

Она берет еще картофелину, вонзает нож в крахмалистую кожуру. Работа почти закончена, но Оливия тянет время, прислушиваясь к болтовне.

– Почем тебе знать, что это берег моря, а не озера?

– Там были чайки. И скалы. И вообще – не обязательно знать все о месте, которое тебе снится.

– Конечно, обязательно!

Разрезав картошку на четвертинки, Оливия опускает ее в кастрюлю. Девчонки говорят о снах, будто это нечто осязаемое, что можно принять за реальность.

Они просыпаются, и у них в голове целые истории, запечатленные в памяти образы.

Мать так же описывала сны, но ее сны были жестокими, там бродили мертвые возлюбленные и когтистые тени, настолько страшные, что она сочла необходимым предупредить дочь.

Однако предупреждение матери пропало втуне.

Оливии сны никогда не снились.

Разумеется, она воображает, придумывает себе иные жизни – притворяется кем-то другим: девочкой из большого семейства с огромным домом и залитым солнцем фруктовым садом, – сказку. Но ни разу за все четырнадцать лет Оливию не посещали сны. Заснув, она словно оказывается в темном туннеле, скрытом черной пеленой. Порой, только очнувшись, нащупывает какую-то нить, что смахивает на паучью, прилипшую к коже. Странное ощущение чего-то недосягаемого, образ, дрожащий на поверхности. Чуть помедлив, он подергивается рябью, но вскоре исчезает.

– Оливия.

Имя рассекает воздух. Оливия вздрагивает, сжимая нож, но это всего лишь матушка Джессамин с костлявым лицом. Стоит у двери, поджав губы, будто лимона наелась, и манит скрюченным пальцем.

Оливия покидает пост.

Вслед ей поворачиваются головы, провожая взглядом.

– Опять она что-то натворила? – шепчутся девчонки.

По правде говоря, Оливия даже не знает. Может, дело в отмычках, которые она смастерила, или в украденных у матушки Агаты сладостях, или в меловой доске, что схоронена в подвале.

Чуть дрожа, Оливия поднимается по лестнице, душную кухню сменяют прохладные коридоры. Впереди – кабинет старшей матушки, и сердце Оливии замирает. Дело дрянь, когда вызывают сюда.

Джессамин стучит, и с той стороны доносится голос:

– Войдите.

Стиснув негромко клацнувшие зубы, Оливия входит.

Комната узкая. Стены уставлены книгами. Было бы здорово, окажись это волшебные сказки или истории о пиратах и ворах. Но нет, на толстых корешках красуются другие названия: «Дамский этикет», «Путешествие Пилигрима»[1 - «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» Джона Баньяна – одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы.]. Целую полку занимают энциклопедии. Насколько Оливия знает, они использовались лишь для выработки хорошей осанки.

– Мисс Прио?р… – произносит костлявая фигура, сидящая за столом темного дерева.

Старшая матушка школы Мериланс древняя. Она всегда такой была. Не считая пары новых бороздок на и без того изрезанном морщинами лице, директриса совсем не изменилась за то время, что здесь живет Оливия.

Ее плечи всегда расправлены, глаза не моргают, тонкий голос хлещет будто прут.

– Садитесь.

Для посетителей в кабинете старшей матушки предназначено два места. Деревянный стул у стены и выцветшее зеленое кресло перед столом. Тот, что у стены, уже занят. Там сидит маленький худосочный гуль, он наклонился вперед и болтает ногами, слишком короткими и не достающими до пола. Оливия бросает взгляд на полупрозрачную девчонку, гадая, кто мог выбрать из всех комнат Мериланса своим пристанищем кабинет директора.

Старшая матушка откашливается. Этот звук – словно костлявая рука, что щиплет Оливию за подбородок. Призрак тает в досках стула, и Оливия заставляет себя шагнуть вперед и опуститься в выцветшее кресло, поднимая в воздух облачко пыли. Она безучастно таращится на старуху, надеясь, что лицо выражает скуку, но увы – директриса Мериланса никогда не обманывалась насчет Оливии, не принимала молчание воспитанницы за глупость или безразличие. Для этого матушка была слишком прямолинейна.

Под испытующим взором голубых глаз Оливия ощущает себя жалким суденышком в бурных волнах.

– Вы живете в школе довольно давно, – объявляет директриса, будто Оливия сама не знает. Будто она потеряла счет годам, как узник в темнице. – Мы заботились о вас с самого детства. Взращивали вас, и вот вы выросли и стали юной женщиной.

«Взращивали». «Выросла». Словно Оливия комнатный цветок. Она рассматривает пыльные шелковые розы на столе старухи; бутоны выцвели от света, что падает из окна. Оливия старается припомнить – всегда ли те были серыми? Но тут старшая матушка совершает нечто чудовищное.

Она раздвигает губы в улыбке.

Когда-то в Мериланс был кот. Маленький бродячий зверек околачивался у сарая и ловил мышей. Набив брюхо, валялся на жестяной крыше, бил хвостом, кривил морду в самодовольной ухмылке.

У старшей матушки точно такое же выражение лица.

– А теперь ваше пребывание в наших стенах окончено.

Оливия каменеет всем телом. Она знает, что случается с девочками, когда они покидают Мериланс. Их отправляют чахнуть в богадельнях, дарят, как призовых свиноматок, каким-нибудь старикам, хоронят в недрах чужих домов.

– Знаете ли, у девушки в вашем… состоянии не так уж много перспектив.

Оливия обдирает с ее слов шелуху: матушка хочет донести, что у вспыльчивой сироты, которая не способна говорить, перспектив маловато. Ей твердили: если б не характер, из нее бы вышла прекрасная жена. Из нее бы вышла прекрасная служанка, вот только многие считают молчание признаком серьезной болезни. Или же оно их по меньшей мере раздражает. И что остается? Ничего хорошего. Оливия мысленно мечется коридорами школы, планируя бегство. Есть еще время обчистить запасы матушек, есть время улизнуть в город и отыскать иной путь… Но тут старшая матушка стучит костлявым пальцем по столу, привлекая ее внимание.

– К счастью, – заявляет она, – похоже, этот вопрос решили за нас.

С этими словами директриса достает конверт. Еще не взяв его в руки, Оливия видит: он адресован ей. Ее имя выведено на бумаге диковинным почерком: буквы падают косо, словно капли дождя.

«Оливии Прио?р».

Конверт вскрыт, содержимое явно было извлечено, затем возвращено на место. Какое гадкое посягательство на ее права! Но раздражение быстро сменяется любопытством: матушка вручает ей бумаги, и Оливия достает письмо, написанное тем же странным почерком.

«Моя дорогая племянница, – гласит оно. – Признаться, доподлинно мне неведомо, где ты сейчас обитаешь. Я разослал такие письма во все уголки страны. Возможно, именно это отыщет тебя. Вот что мне известно: когда ты родилась, твоя мать была нездорова. Она забрала новорожденного младенца и убежала от нас, преследуемая воображаемой опасностью. Боюсь, она уже умерла. Я лишь надеюсь, что ты еще жива. Должно быть, ты думаешь, все тебя бросили, но это не так. Ничего подобного. Ты желанна. Ты нам нужна. Твое место – здесь. Возвращайся домой, дорогая племянница. С нетерпением ждем встречи.

Твой дядя, Артур Прио?р».

Оливия читает письмо еще и еще, мысли несутся вскачь.

Племянница. Дядя. Дом. Сама не сознавая, она держит бумаги так крепко, что они сминаются.

– Судьба улыбнулась вам, мисс Прио?р, – провозглашает матушка, но Оливия не в силах отвести взгляд от письма. Она переворачивает конверт: с обратной стороны есть адрес. Буквы и слова сливаются в какую-то тарабарщину, за исключением одного в самом верху.

«Галлант».

Ребра будто стискивают сердце в груди.

Оливия ведет пальцем по очертаниям слова, того самого, которым заканчивается дневник матери. Оно всегда казалось ей бессмысленным. Однажды, давным-давно, Оливия подсмотрела его в одном из толстых словарей матушек и выяснила, что оно означает: храбрость, проявленную в самые тяжелые времена. Мужество перед лицом угрозы.

Но для ее матери – и для Оливии – это было не просто описание.

Это место. Дом. Слово обрушилось на нее приливной волной, выбивая почву из-под ног. Закружилась голова, накатила слабость.

Возвращайся домой, говорилось в письме.

Держись подальше, предостерегала мать.

Но дядя сказал: твоя мать была нездорова. Что и так ясно из дневника, но предостережение – последние слова матери, и уж конечно у нее имелись основания…

Старуха опять откашливается.

– Предлагаю вам пойти и собрать вещи, – заявляет она, указывая на дверь. – Путь неблизкий, машина скоро прибудет.

Я так счастлива. Так напугана.

Оказывается, двое могут шагать вместе, рука об руку…

Глава четвертая

На соседней кровати, скрестив ноги, сидит гуль и смотрит, как Оливия собирает вещи. Над узкой челюстью парит глаз, черты лица искажает солнечный свет. Кажется, будто духу грустно, что Оливия уходит.

Матушки выдали ей маленький чемодан – хватит, чтоб унести пару серых платьев, блокноты для рисования и дневник. Письмо с приглашением дяди Оливия кладет в дневник, по соседству с предостережением матери.

Ты будешь в безопасности, если станешь держаться подальше от Галланта.

С нетерпением ждем встречи.

Одна помешанная, другого Оливия и вовсе никогда не видела, кому верить? Да, в конце концов, это и неважно. Ее могли и специально заманивать. Наверное, следует бояться неизвестности, но любопытство гремит в душе барабанным боем. Она уходит. Ей есть куда пойти.

Домой.

Дом – это выбор, писала мать, и пусть Оливия не выбирала Галлант, возможно, стоит дать ему шанс. Все-таки ты можешь сделать выбор и после того, как выбрали тебя. И если выяснится, что это не ее дом, по крайней мере, там ждет семья.

У канавы, не глуша двигатель, дожидается черная машина. Оливия видела такие в Мериансе, старшая матушка вызывала кеб, когда очередной воспитаннице наступала пора покинуть школу. Прощальный дар, билет в один конец. Распахнутая дверь – будто зияющая пасть, что жаждет поглотить пассажирку. Страх покалывает кожу, хотя Оливия уговаривает себя: «Где угодно лучше, чем здесь».

На ступеньках, точно часовые, выстроились матушки. Другие девочки не явились взглянуть на ее отъезд, но двери открыты, и далеко в вестибюле мелькает серебристая косица Анабель.

Невелика потеря, думает Оливия, забираясь в брюхо зверя. Ревет мотор, шуршат по гравию шины. Авто выезжает в арку и выворачивает на улицу. Сквозь заднее стекло Оливия смотрит, как скрывается из виду садовый сарай, а потом и Мериланс. Вот он уменьшился и тотчас затерялся среди окружающих зданий и угольного чада.

В глубине души что-то трепещет – то ли ужас, то ли возбуждение. Будто бежишь по лестнице и оступаешься, а восстановив равновесие, оглядываешься назад и понимаешь, что едва не случилось, какой катастрофы избежала.

Слышно лишь урчание двигателя, город тает, здания становятся все ниже: сначала трехэтажные сменяются двухэтажными, а те – одноэтажными, затем меж ними и вовсе появляются провалы, как в ряду гнилых зубов. Но потом случается нечто чудесное. Последние строения, весь этот дым, испарения и копоть исчезают. Им на смену приходят холмы, и мир превращается из серого в зеленый.

Оливия открывает чемодан, достает из дневника письмо дяди. «Моя дорогая племянница», – написал он, и в этих словах ей чудится обещание. Она перечитывает послание, впитывая взглядом чернильную вязь, тщательно ища в словах и пробелах ответы и ни одного не находя.

От бумаги, словно сквозняком, веет каким-то запахом. Оливия втягивает носом аромат письма. Сейчас царит лето, и все же лист пахнет осенью, сухой и прохладной, тем кратким периодом, когда природа увядает и погибает, окна закрываются, из труб курится дым, а обещанная зима невидимкой притаилась за порогом.

Сквозь облака пробивается солнце; Оливия поднимает взгляд – по обеим сторонам дороги расстилаются поля. Вереск, пшеницу, высокие травы обдувает легкий ветерок. Вот бы выбраться из машины наружу, растянуться средь колышущихся стеблей, раскинуть руки, как в прошлом году во время снегопада делали девочки, хотя слой снега был тонким и при малейшем движении снизу кололся гравий.

Но Оливия не выходит, и автомобиль катит себе дальше по сельской местности. Неизвестно, как далеко лежит их путь. Никто ей не сказал, ни старшая матушка перед отъездом, ни водитель, который сидит впереди и барабанит пальцами по

рулю.

Оливия убирает письмо в карман, пусть покоится там, словно символ, талисман, ключ. Потом смотрит на дневник, что лежит распахнутым у нее на коленях. Окно приоткрыто, ветер воздушными пальцами переворачивает страницы, листая исчерканные записи, тут и там залитые провалами черноты. Эти непроглядные лужи выглядят будто потеки, но, если всмотреться, понимаешь, что мрак образует фигуры. Это вовсе не случайность, а рисунки.

В отличие от аккуратных набросков в блокнотах Оливии, здесь расцветают абстрактные чернильные пятна, которые поглощают листы целиком, просачиваясь сквозь бумагу. Они расползаются по страницам дневника матери, но будто принадлежат не ей.

Странные, даже красивые, гармоничные, они шевелятся и клубятся на листах, постепенно обретая форму. Вот рука. Коридор. Человек с тенями, извивающимися у его ног. Цветок. Череп. Вот дверь, распахнутая перед… кем-то? Куда-то ведущая?

И хоть рисунки потрясающие, Оливия не любит их разглядывать.

Они тревожат ее, мелькают перед глазами, словно чешуйницы на бетонном полу подвала. От них мутнеет зрение и болит голова, кажется, будто рисунки вот-вот сольются в цельное изображение, но те под пристальным взором лишь рассыпаются, подобно призракам.

Ветерок набирает силу, треплет свободные страницы; Оливия закрывает дневник и принимается рассматривать залитые солнцем поля, проплывающие за окном.

– Да ты не из болтушек, – замечает водитель с грубым акцентом, будто его рот полон камешков, которые он пытается не проглотить.

Оливия качает головой, но с того мига печать молчания словно сорвана, и водитель продолжает рассеянно и путано разглагольствовать о детях, козах и погоде. Люди любят поговорить с Оливией, вернее – при ней, потому что одним тишина кажется неуютной, другие же воспринимают ее как приглашение. На сей раз Оливия не возражает, внимание ее приковано к живописной природе

снаружи, к полям, отливающим всеми оттенками зелени.

– Никогда так далеко на север не забирался, – бормочет шофер. – А ты?

Оливия снова качает головой, хотя, по правде сказать, не знает. Ведь было время до Мериланса, но для нее оно даже не имеет очертаний, это просто пестрая черная полоса. И все же чем дольше путь, тем больше мрак меркнет, на его месте возникают не сами воспоминания, лишь лакуна, где они могли быть.

Возможно, это просто игра воображения.

Возможно, дело в том слове – «дом», – или знании, что кто-то ее там ждет, или мысли о том, что она нужна.

Уже после обеда машина въезжает в очаровательный городок и замедляет ход. Сердце Оливии учащенно бьется – неужели это он, Галлант? Но водитель лишь хочет размяться и перекусить. Он выбирается из авто, стонет, потягиваясь, суставы щелкают и хрустят. Оливия выходит следом, дивясь на тепло, царящее снаружи, на облака, пронизанные солнцем.

Купив в лавке пару пирожков с мясом, водитель протягивает один своей пассажирке. У нее нет денег, но в животе громко урчит от голода, и он сует угощение с горячей корочкой в ладонь Оливии. Та знаками его благодарит, но водитель то ли не замечает, то ли просто не понимает ее.

Оливия озирается по сторонам, гадая, долгий ли впереди путь. Наверное, вопрос написан у нее на лице, потому что водитель вдруг говорит:

– Немного осталось. – Откусив пирога, он кивает на холмы вдалеке, что выглядят более высокими и необитаемыми, чем местность, которую уже проехали. – До темноты доберемся.

Покончив с едой, они вытирают жирные руки вощеной бумагой; шофер вновь заводит двигатель. Оливия откидывается спиной на сиденье, ей тепло и сытно; вскоре для нее во всем мире остается лишь урчание мотора, шуршание шин по дороге и – время от времени – болтовня водителя.

Засыпать Оливия не собиралась, но просыпается уже в сумерках, темнота сгустилась, а небо окрашено золотисто-розовыми полосками заката. Изменилась даже дорога под колесами машины: теперь авто катит по ухабистой грунтовке. Холмы сменились скалами, чьи неровные волнообразные очертания возвышаются вдали, а мрачные стены Мериланса и окрашенное сажей небо словно остались на краю света.

– Уже близко, – говорит шофер.

Машина едет по извилистой дороге, мимо вековых деревьев и по узким мостикам, заворачивает за скалу, и вдруг из ниоткуда появляются ворота.

Пара каменных колонн с железной аркой, на которой написано: «ГАЛЛАНТ».

Авто катит по подъездной аллее, сердце Оливии мчится вскачь, вдали возникают очертания, и водитель тихо присвистывает.

– Эк тебе повезло… – бормочет он.

Галлант – не просто какой-то дом. Это поместье, особняк вдвое больше Мериланса и намного величественнее. С остроконечной, будто пики крепко взбитых яичных белков, крышей, с окнами в резных рамах, стенами белого камня, что впитывают закат, словно холст – краски. Слева и справа простираются два крыла, их окружают старые исполинские деревья, широко раскинувшие свои ветви, а меж их стволами даже виднеется сад с живыми изгородями, розами и дикими цветами.

От удивления Оливия приоткрывает рот. Она словно во сне, так близко к мечте, что боится проснуться. Впитывает увиденное, будто умирающая от жажды, отчаянно сглатывая и напоминая себе: нужно остановиться, сделать вдох, пить по капельке, ведь впереди много времени. Она же не просто невесть как забредшая сюда чужачка.

Шофер едет в сторону внушительного фонтана с каменной статуей в центре. Это женщина, чье платье развевается, словно подхваченное ветром. Она стоит спиной к громаде дома, голова высоко поднята, одна рука воздета, будто тянется куда-то. Машина огибает фонтан, и Оливии все кажется, что женщина повернется, посмотрит на них, но, конечно же, этого не происходит. Каменный

взгляд по-прежнему прикован к аллее, арке и угасающему закату.

– Ну вот и добрались, – говорит водитель, останавливая машину и глуша мотор.

Затем выбирается наружу, достает чемодан и ставит на ступеньки. Выходит и Оливия. Ноги затекли от многочасовой езды на заднем сиденье. Легко поклонившись, шофер негромко добавляет:

– Добро пожаловать домой.

А после снова садится за руль, мотор пробуждается, авто уезжает, и Оливия остается одна.

Она медленно разворачивается. Под каблуками хрустит гравий; такой же серый гравий устилал канаву в Мерилансе и шуршал, пока она перебиралась на ту сторону. На миг ее мир опрокидывается, и Оливия поднимает взгляд: вдруг там снова окажется садовый сарай, впереди будет выситься школа, а на краю – матушка, что стоит, скрестив руки на груди, и поджидает ослушницу, чтоб затащить внутрь.

Но нет ни Мериланса, ни матушки, только Галлант.

Оливия подходит к фонтану: пальцы так и зудят нарисовать статую, но вблизи оказывается, что вода в чаше неподвижная, застоявшаяся, с прозеленью по краям. Вблизи мерещится что-то зловещее в наклоне подбородка женщины, поднятая рука не приветствие – предупреждение.

Повеление: остановись.

Оливию пронзает дрожь. Быстро темнеет, сумерки сменяет ночь, дует прохладный ветерок, унося остатки летнего тепла. Оливия тянет шею, рассматривая особняк.

Все ставни закрыты, но в щелях горит свет.

Она берет чемодан и направляется к дому, взбирается по четырем каменным ступеням, ведущим к парадной двери: цельная древесина с единственным

железным кольцом, ледяным на ощупь.

Затаив дыхание, Оливия стучит.

И ждет.

Но никто не отзывается.

Она стучит снова. И снова. Где-то между четвертым стуком и пятым ее, наконец, настигает страх. Страх, что она пыталась держать в узде: сначала в кабинете матушки, затем в автомобиле, который увозил ее из Мериланса, страх неизвестности, страх, будто мечту уничтожит мрачная серая правда. Он стискивает Оливию железной хваткой, проникает под кожу, сжимает ребра.

А вдруг никого нет дома?

Вдруг она проделала весь этот путь, и…

Но тут звякает задвижка, и дверь открывается. Не на всю ширину, лишь немного, и в щель выглядывает женщина. Коренастая, с грубыми чертами, непокорными каштановыми кудрями, пронизанными серебристыми нитями. Такие лица Оливия всегда любила рисовать – открытые, выразительные, на которых видна любая эмоция. Теперь же каждая линия и складка на лице незнакомки хмурится.

– Что, ради всего святого… – Увидев Оливию, она осекается и косится на пустую подъездную аллею, а после – снова на девочку. – Ты кто такая?

У Оливии замирает сердце, но лишь на миг. Конечно, они не знают ее и не могут узнать только по виду. Женщина разглядывает гостью, будто бездомную кошку, что забрела на порог. Она явно ждет, пока девочка заговорит. Объяснится. Оливия уже тянется в карман за письмом, и тут по холлу разносится мужской голос:

– Кто там, Ханна?

Оливия заглядывает за женщину, надеясь увидеть дядю. Но проем открывается шире, и с первого взгляда она понимает: это кто-то другой. Кожа незнакомца на несколько оттенков темнее ее собственной, лицо слишком худое, а спину согнули годы.

– Не знаю, Эдгар, – отвечает женщина – Ханна. – Кажется, какая-то девочка.

– Как странно…

Дверь открывается шире, и на лицо Оливии падает свет. Ханна распахивает глаза.

– Нет… – тихо говорит она, будто отвечая на незаданный вопрос. – Как ты сюда попала?

Оливия протягивает ей письмо дяди. Взгляд Ханны пробегает по конверту, затем по его содержимому. Даже в тусклом свете, падающем из холла, заметно, что с ее лица сбежали все краски.

– Не понимаю… – Она переворачивает листок, ища что-то еще.

– Да что там? – настойчиво вопрошает Эдгар, но Ханна лишь трясет головой, таращась на Оливию.

И хотя та всегда хорошо умела читать по лицам, никак не может разобрать, что видит. Смущение. Обеспокоенность. И еще кое-что…

Ханна открывает рот, уже собираясь задать вопрос, как вдруг прищуривается, но смотрит не на гостью, а на двор позади.

– Входи-ка. Лучше убраться от темноты.

Оливия оглядывается: закат догорел, вокруг сгущается мрак. Она не боится его, никогда не боялась, но эти люди будто им напуганы. Ханна распахивает дверь в хорошо освещенный холл с большой лестницей и лабиринт помещений.

– Поторапливайся, – велит она.

Не такого приема ожидала Оливия и все же подхватывает чемодан и шагает внутрь, за спиной захлопывается дверь, отгораживая ночь.

Хозяин дома не одинок. У него три тени: короткая, тонкая и широкая. Они смотрят, как он поднимается из своего кресла, и бесшумно следуют за ним, как и подобает теням.

Меж второй и третьей имеется зазор, и внимательный наблюдатель догадался бы, что когда-то, вероятно, была и четвертая. Вероятно, да, но теперь их лишь трое, и они крадутся за хозяином по дому – то пустому, то нет.

Из углов таращатся мертвые твари. Те, что прежде были людьми. Склоняют свои омерзительные головы и отступают, забиваясь в щели, когда мимо проходят хозяин и его тени.

Порой кто-то из них поднимает взгляд и пронзительно смотрит. Порой кто-то из них вспоминает, как очутился во тьме.

Господин ведет ногтем по стене, что-то мурлыча, и гудение проносится будто сквозняк. Слышны и другие звуки: шепчет ветер, что треплет рваные занавески, трещит и осыпается штукатурка, весь особняк словно стонет, кренится и оседает. Но призраки хранят молчание, а тени не могут говорить, поэтому единственный голос, что раздается в доме, принадлежит хозяину.

Часть вторая

Особняк

Глава пятая

В подобных домах Оливия никогда не бывала. Арки холла возвышаются, будто ребра какого-то исполинского зверя, лампы заливают пространство мягким желтым светом. Она озирается, удивляясь всему, что видит: величественной лестнице, высоким потолкам, богато инкрустированным полам. Взгляд перебегает с картины на картину, с обоев на ковер, с зеркала на дверь. Ханна ведет ее из холла в гостиную, где перед камином стоят диван и пара кресел. Оливия рассматривает комнату, ожидая, когда на краю поля зрения что-то мелькнет, но не видит никаких зубов, глаз, ни малейшего следа призраков. Она бросает взгляд на Эдгара и Ханну – когда же они позовут ее дядю, но те лишь стоят в проеме двери, тихо и быстро переговариваясь, будто гостья их не слышит.

– Просто прочти! – бормочет Ханна, вдавливая письмо в его руку.

– Вздор какой-то…

– Артур хоть знал…

– Он бы что-то сказал.

– Она точь-в-точь как… – хмурится Эдгар.

– Грейс.

Ханна с болью произносит это имя, и в тот же миг Оливия понимает – понимает, – что буква «Г» на обложке дневника матери, та самая, почти стертая от касаний пальцев, означает не Габриэль, не Генриетту и даже не Гертруду, а Грейс.

Оливию захлестывает облегчение. Они знали ее мать. Возможно, знают и что с ней случилось.

– Оливия… – начинает Эдгар, словно пробуя ее имя. – Откуда ты взялась?

Она указывает на конверт с адресом на лицевой стороне. «Мериланс. Школа для девочек».

Ханна хмуро смотрит, но не на конверт – на Оливию.

– Ты потеряла голос?

Оливию пронзает гнев. «Нет! – показывает она, резко, решительно. – Ничего я не теряла!» Конечно, ответ предназначается лишь для нее самой. Оливия знает: они не поймут.

По крайней мере, она так думает, но вдруг Эдгар ей отвечает, подкрепляя слова жестами:

– Мне жаль.

Оливия поворачивается к нему, настроение сразу приподнимается. Она очень давно ни с кем не говорила, и теперь ее пальцы так и порхают по воздуху.

Но старик выставляет вперед руку:

– Помедленнее, – просит он. – Я почти все забыл.

Кивнув, Оливия пытается снова тщательно сформулировать первый вопрос.

«Где мой дядя?»

Эдгар переводит. Ханна хмурится.

– Когда ты получила письмо?

Оливия вздыхает. «Сегодня».

Эдгар качает головой.

– Это невозможно, – говорит он. – Артур уже…

И вдруг в холле слышатся шаги.

– Ханна? – окликает голос, и мгновение спустя в гостиную входит юноша, разглядывающий свои садовые перчатки.

Он на несколько лет старше Оливии, почти мужчина, высокий, худой, а волосы у него рыжевато-каштановые.

– Похоже, шипы становятся все острее. Тут еще одна прореха, возле большого пальца…

Наконец он поднимает взгляд и видит гостью, стоящую у камина.

– Ты кто такая? – требовательно вопрошает юноша, голос его мгновенно становится резким.

– Мэтью, это Оливия, – начинает Ханна и, помолчав, добавляет: – Твоя кузина.

У нее был дядя, она стала племянницей, а теперь вот кузиной.

Всю жизнь Оливия мечтала о семье. Мечтала однажды проснуться и узнать, что больше не одинока.

Новость Мэтью не слишком радует. Он отшатывается, точно его ударили.

– Это же нелепо. Прио?ров больше не осталось.

– Видимо, остались, – мягко говорит Эдгар, будто само существование Оливии вызывает сожаление.

– Нет… – Мэтью трясет головой, словно пытаясь прогнать и саму мысль, и непрошеную гостью. – Нет, после Тома… Я последний…

– Она – от Грейс, – весомо произносит Ханна.

Оливию задевает идея, что можно быть чьей-то, даже если его самого уже нет.

– Но кровное родство… Отец же говорил! – возмущается Мэтью. – Вы знали?

– Нет, конечно нет, – отвечает Ханна, только слишком неуклюже, Оливия улавливает в ее голосе запинку, панические ноты.

Врет.

Но Мэтью ничего не замечает – он не слушает.

– Должно быть, это ошибка. Что она вам сказала?

Я прямо здесь стою, думает Оливия, руками рисуя в воздухе слова, но юноша ведет себя с ней точно с призраком, на которого можно запросто не обращать внимания, поэтому она тянется к ближайшей бьющейся вещи – вазе на каминной полке – и смахивает ту на пол.

С приятным оглушительным грохотом безделушка падает на деревянные половицы и разлетается на куски – достаточно громко, чтоб Мэтью прервал свою обвинительную речь.

Он оглядывается на Оливию.

– Ты. Кто ты на самом деле такая? Откуда взялась?

– Она не говорит, – вставляет Эдгар.

– У нее приглашение, – протягивает письмо Ханна.

– От кого? – требовательно спрашивает Мэтью, выхватывая у нее тонкий конверт.

– От твоего отца.

Весь свет в нем точно гаснет. Весь жар, вся ярость. Мэтью в этот миг выглядит юным и испуганным. Его лицо вдруг становится безучастным, он бросается к камину и швыряет письмо в огонь.

Оливия рвется к очагу, но кузен оттаскивает ее. Бумага тут же сгорает. Слова дяди обращаются в дым.

– Посмотри на меня, – велит Мэтью, хватая ее за плечи. Его глаза, серые, как у кузины, но светлее и с проблесками синевы, с отчаянием вглядываются в нее. – Мой отец не посылал тебе письмо. Уже больше года он мертв.

Мертв.

Оливия будто глохнет.

Но это же бессмысленно… Она закрывает глаза, вспоминает уверенный почерк.

Приезжай домой, дорогая племянница.

Мы с нетерпением ждем встречи.

– Мэтью… – пытается подольститься Ханна, – а вдруг оно было написано до того…

– Нет, – резко, будто захлопывая тяжелую дверь, припечатывает тот.

Он хмуро разглядывает Оливию, крепко сжимая ее плечи. Кузен худой и выглядит так, словно несколько недель не спал, но что-то в его взоре пугает.

– Он говорил, я последний из рода. Сказал, больше никого не осталось. – Голос Мэтью пресекается, будто ему больно, но пальцы безжалостно впиваются в кожу

Оливии. – Тебя не должно здесь быть.

Она вырывается, а может, он сам ее отталкивает. Так или иначе, но меж ними вдруг появляется расстояние в один шаг. Пропасть – такая узкая, но непреодолимая. Они не отрывают взгляда друг от друга.

– Тебе не следовало появляться в Галланте. – Мэтью указывает на дверь. – Уходи.

Оливия покачивается на каблуках, Ханна и Эдгар переглядываются.

– Слишком темно, – наконец возражает старик. – Ей нельзя уходить сегодня.

Мэтью бормочет ругательства себе под нос.

– Значит, с первыми лучами солнца, – заключает он и направляется к выходу, бросая через плечо: – Вон из этого дома, и никогда не возвращайся.

Оливия зло и растерянно таращится ему вслед. Смотрит на Ханну, на Эдгара, надеясь на хоть какие-то объяснения, но никто не говорит ни слова. Они так и стоят втроем в гостиной, где слышны лишь топот сапог Мэтью, треск очага и прерывистое дыхание Оливии.

Она смотрит в камин: письмо исчезло, а с ним и мечты о Галланте. Озирается в поисках чемодана, потом оглядывается на дверь.

Куда же ей идти?

– Сегодня об этом тревожиться ни к чему, – вздыхает Ханна. – Утро вечера мудренее.

Она устало откидывается на спинку дивана, и Эдгар кладет руку ей на плечо. Оливия замечает: Ханна склоняется к нему.

– Мне жаль, – говорит она. – Мэтью нынче сам не свой. Когда-то он был славным мальчиком.

В это Оливии верится с трудом. Она пытается перехватить взгляд Эдгара, попросить объяснений, но старик не смотрит на нее. Тогда, опустившись на колени, Оливия начинает собирать осколки вазы, только Ханна ей не дает.

– Оставь, – говорит она и с усмешкой добавляет: – Ты оказала мне услугу. Я всегда думала, что эта ваза уродливая. Должно быть, ты голодна?

Оливия вскакивает на ноги. Она не слишком голодна, но Ханна не дожидается ответа.

– Пойду-ка состряпаю что-нибудь на скорую руку. Эдгар?

– Идем, дитя, – вздыхает тот, поднимая чемодан гостьи. – Я провожу тебя в комнату.

* * *

Лестница, по которой Эдгар ведет ее наверх, старая, но прочная. Шаги едва слышны. Оливия перехватывает взгляд своего провожатого и показывает знаками: «Давно вы здесь живете?»

– Слишком давно, – с усталой улыбкой отвечает тот. – Дольше, чем Мэтью, но не так давно, как Ханна.

«Вы знали мою мать?»

– Да. Мы все были убиты горем, когда она исчезла.

Сердце Оливии частит, в памяти всплывают слова матери.

Свобода – что за жалкое слово для такого изумительного понятия. Не знаю, каково это, но хочу узнать.

Ее мать не силой увезли из Галланта. Она ушла по собственной воле. Руки Оливии порхают быстрее, вопросы так и льются:

«Куда она отправилась? Вы знаете почему? Она вернулась?»

Эдгар медленно и уверенно качает головой.

«Она умерла?»

Этот вопрос Оливия боялась задавать: по правде говоря, она все еще не знала, что сталось с мамой. Читая последние страницы дневника, Оливия всегда воображала, как мать пятится к краю обрыва. Шаг, еще шажок, и вот уже земля уходит из-под ног.

Каждое слово звучало как прощание, и все же…

«Она умерла?» – вновь спрашивает Оливия, потому что Эдгар перестал качать головой. Он вжимает ее в плечи, уголки губ опускаются.

– Прости, – говорит он. – Я не знаю.

Оливию охватывает досада, но не на Эдгара, а на Грейс, женщину, которая исчезла, оставив после себя лишь потрепанный дневник и молчащее дитя на крыльце школы. На то, что история обрывается, не дойдя до финала.

Они поднимаются на второй этаж, и Эдгар заводит Оливию в широкий коридор, куда выходят двери комнат. Все закрыты.

– Ну вот мы и пришли, – провозглашает он, остановившись у второй слева.

Дверь с шорохом открывается, за ней – чудесная комната, больше спальни любой из матушек и намного красивее.

Взгляд Оливии сразу падает на кровать – не какую-то койку, а огромную кровать о четырех столбиках с балдахином и пуховыми подушками. Настолько широкую, что можно раскинуть руки и не коснуться краев.

Эдгар уже собирается уходить, и Оливия знаками его благодарит.

– За что? – удивляется он.

Та показывает на комнату, дом, на себя и пожимает плечами. «За всё».

Он кивает, выдавливая улыбку.

– Ханна скоро поднимется, – бормочет старик и выходит, плотно прикрывая за собой дверь.

Сначала Оливия просто стоит, не зная, что делать дальше. У нее в жизни не было своей комнаты и всегда интересовало – каково это, иметь целиком принадлежащее тебе пространство и дверь, которую можно запереть.

И пусть сцена в гостиной вышла странная, кузен оказался жесток, а в голове роятся вопросы, Оливия кружится по полу, а потом со всего маху бросается на кровать. Ждет, что поднимется облако пыли, но его нет, руки и ноги тонут в мягкой перине. Оливия лежит с распростертыми руками, будто снежный ангел.

Моя комната, думает она и сразу напоминает себе, что комната ее лишь на эту ночь.

Оливия садится и осматривает обстановку. Спальню украшают элегантный шкаф, пуфик, стол перед большим окном с закрытыми ставнями. В стене есть еще одна дверь, Оливия открывает ее, думая, что там чулан или другой коридор, но видит роскошную ванную комнату с зеркалом, раковиной и купальней на когтистых лапах. Это не железное корыто с еле теплой водицей на донышке, а настоящая керамическая ванна, где можно полежать.

Здесь нет других девчонок, локтями пробивающих себе путь к раковине, набирающих горячую воду, отталкивающих Оливию плечами, чтобы сделать прическу или полюбоваться собой, потому она медлит у зеркала, изучая отражение, как множество раз вглядывалась в дневник матери, ища подсказки – кто она такая, откуда взялась…

Вот глаза, темно-серого цвета. Кожа – бледная, но не фарфоровая. Волосы, почти угольно-черные.

У раковины лежит маленький гребень, спинка украшена голубыми цветами. Погладив изящные зубцы, Оливия берет его и закрепляет над ухом.

Голубые цветы словно светятся на ее идеально прямых волосах, кончики которых достают до плеч. Весной в порыве гнева Оливия обрезала пряди. Ее бесила официальная прическа воспитанниц школы Мериланс – косы, поэтому она украла ножницы и обкорнала волосы до воротника – чтобы заплетать было нечего.

Вспомнив перекошенное лицо матушки Агаты, ее бессильную ярость, Оливия слегка улыбается. Вытаскивает из волос гребень, кладет на место. Почему бы не набрать ванну?

Она открывает краны, откуда бьет чистая горячая струя, исходя паром. Раздевшись, Оливия забирается в воду и наслаждается почти болезненным жаром. Вдоль стены рядом с ванной выстроились три изящных флакона, все чуть не до верха полные. Пробки тугие, Оливия с трудом открывает одну, но бутылка выскальзывает и падает в воду. В считаные секунды на поверхности вскипают душистые пузырьки; Оливия смеется – негромко, с придыханием, – до того ей кажется нелепым происходящее. День, что начался с чистки картошки на кухне Мериланса, окончился здесь – в доме, где не оказалось ее дяди, зато нашелся мальчик, который хочет, чтобы она ушла, – в ванне, полной лавандового шампуня.

Оливия ныряет под воду, где тихо и темно, стучит в бортик, и звук негромко разносится по помещению. Словно эхо капель дождя, что барабанят по крыше садового сарая. Она лежит в воде, пока та не остывает и кожа не сморщивается, и даже тогда решает выбираться только потому, что ее ждет обещанный ужин и постель.

Оливия встает, мысли путаются, руки и ноги тяжелеют. Укутавшись в роскошное белое полотенце, подходит к зеркалу, затуманенному паром. Возможно, все дело в горячей ванне, но щеки Оливии выглядят куда румянее, кожа стала не такой бледной, будто она смыла прежнюю себя, как лавандовую пену.

Одежда так и валяется кучей серых тряпок на полу. Сжечь бы, но это все, что у нее есть. Оливия открывает шкаф, собираясь бросить туда свой наряд, и замирает.

Несколько вешалок на перекладине пусты, но остальное пространство забито платьями. Оливия перебирает хлопок, шерсть и шелк.

Кое-что поедено молью, петли от времени ослабли, и все равно она в жизни не касалась такой красивой одежды.

Совершенно ясно, что комната когда-то принадлежала какой-то женщине; столь же ясно, что та больше здесь не живет, хотя удивительно, сколько после нее осталось вещей. И еще удивительнее, что комната в полной сохранности, нетронутая – флаконы в ванной, гребень у раковины, платья в шкафу, – будто хозяйка в любой миг может вернуться.

Заглянув в комод, Оливия находит ночную сорочку. Слишком большую и длинную, но какая разница? Ткань мягкая и теплая, поэтому Оливия с наслаждением в ней тонет.

Она не слышала, как приходила Ханна, но на пуфике ее поджидает маленький чайный поднос, а на нем – миска тушеного мяса, ломтик хлеба, кусочек масла. А еще – персик. Из прорези замка в двери торчит золотой ключик. Прижавшись ухом к дереву, она поворачивает ключ, наслаждаясь скрежетом защелки и весом металла в своей руке.

Мясо сытное и горячее, у хлеба хрустящая корочка, а внутри нежный мякиш; персик идеально сладкий. Покончив с ужином, Оливия падает в постель в полной уверенности, что никогда не ощущала себя такой чистой и спокойной.

Ты желанна. Ты нам нужна. Твое место здесь.

Оливия будто кутается в эти слова: пусть эхом звучат в голове, но тело ее утопает в перине, а душа отдается сну, и слышит она лишь голос Мэтью:

«Мой отец это письмо не посылал», – сказал кузен, бросая конверт в пламя.

Но если его написал не Артур Прио?р, то кто же?

Боюсь, ее щеки касалась не моя рука,

Не мой голос произносил слова,

Не мои глаза смотрели, как она спит…

Глава шестая

Сон никак не идет.

Дом слишком велик и слишком тих. Не слышно привычного шума, ни тебе скрипа пружин, ни шагов матушек, ковыляющих по коридорам, или уличного гула за стенами школы.

Вместо сонного сопения пары десятков девочек – только дыхание самой Оливии да шорох простыней, когда она вертится на чересчур большой кровати.

Поэтому Оливия лежит без сна в обнимку с дневником матери и вслушивается в мелодию Галланта.

Годами Оливия изучала музыку Мериланса, шарканье босых ног в носках по полу, сонное бормотание посреди ночи, посвистывание и щелканье труб отопления, стук трости старшей матушки по деревянному настилу, когда директриса обходила владения.

Но здесь, в чужой постели, Оливия не слышит ничего.

Чуть раньше доносились звуки шагов Ханны и Эдгара, еле различимый шум их голосов в коридоре. Щелчок захлопнувшейся двери: Оливия догадалась, что это был Мэтью. Но уже поздно, все стихло, остался только приглушенный покой,

стены слишком толстые, замки и ставни не пропускают ночь в дом.

Затишье невыносимо. Оливия чиркает спичкой, с наслаждением прислушиваясь к ее треску, расцветает огонек пламени, прогоняя тьму. Что-то дергается на краю поля зрения, но это лишь тень пляшет на стене. Оливия зажигает огарок свечи и открывает дневник, чтобы почитать, хотя давно выучила все наизусть.

У меня была птица. Я держала ее в клетке, но однажды кто-то открыл дверцу. Я так злилась, а теперь гадаю – вдруг это моих рук дело? Вдруг я сама встала среди ночи, в полусне отперла замок и освободила узницу?

Свобода – что за жалкое слово для такого изумительного понятия.

Оливия читает, блуждая пальцами по странным рисункам. В неровном свете огарка зрение играет с ней злую шутку, искажая чернильные цветы, пока не начинает казаться, что те движутся.

Читать последние, более мрачные записи Оливия не любит, потому пролистывает их, выхватывая взглядом фрагменты.

…Прошлой ночью я спала на твоем прахе. Никогда еще не было так тихо… Его голос из твоих уст… Я хочу домой…

И так, пока записи не обрываются. Неровный почерк исчезает, остается лишь пустое пространство, незаполненные страницы до самого конца, где ждет послание:

Оливия, Оливия, Оливия…

Ее взгляд падает в самый низ.

Ты будешь в безопасности, если станешь держаться подальше от Галланта.

Прищурившись, она взирает на слово, что долгие годы было для нее загадкой, – и это все еще загадка. Оливия откидывает одеяло и встает. Галлант всегда был просто словом – последним, которое написала мать. Теперь Оливия знает – это дом, ведь она здесь, и, если ей разрешили остаться всего на одну ночь, нужно

увидеть как можно больше. Изучить пространство, где жила Грейс, будто это знание поможет объяснить что-то другое.

Ключ со щелчком поворачивается, и Оливия тихо выглядывает в коридор. Во всех остальных комнатах темно, лишь под одной дверью горит узкая полоска света. Заслонив ладонью огарок, Оливия выходит, скользя босыми ногами по полу.

Она обожает звуки, но умеет двигаться бесшумно.

Порой в Мериланcе ночами Оливия выбиралась из постели и бродила по темной школе, притворяясь, что захватывает ее. Кружилась в пустых коридорах, просто потому что могла. Считала шаги от одного конца до другого, дышала на окна и рисовала на затуманившемся стекле фигуры, а видел все это лишь призрак, который затаился на лестнице, выглядывая между перекладинами перил.

Там, в темноте, Оливия могла притвориться, что школа – ее дом. Но как она ни старалась, мрачное серое строение ни разу не исполнило своей роли. Слишком холодным оно было, слишком пустынным, слишком похожим на себя. И каждую ночь, забираясь обратно в кровать, Оливия напоминала себе, что Мериланс – просто здание и никогда не будет домом.

Она мысленно повторяет: Галланту тоже им не стать, если Мэтью добьется своего, и все же, спускаясь по лестнице, поглаживая ладонью отполированные перила, понимает: все здесь ей будто бы знакомо. С каждым бесшумным шагом дом словно склоняется к гостье и шепчет: «Привет». Шепчет: «Добро пожаловать». Шепчет: «Ты дома».

Повторяя свой путь в обратном направлении, Оливия пересекает вестибюль и заглядывает в гостиную. От жаркого огня в камине осталась лишь горстка тлеющих углей, осколки вазы убрали с пола. Оливия пробирается вглубь особняка. Находит столовую – обеденный стол такой длинный, что свободно поместится десяток человек, залу, где мебель выглядит совсем нетронутой, кухню – все еще хранящую тепло.

Оливия крадется по дому, огонек свечи дрожит, как и отбрасываемый им свет. Когда она перекладывает огарочек из руки в руку, вокруг колеблются тени, и Оливия не сразу понимает, что уже не одна.

На полпути к концу коридора стоит призрак.

Женщина – или по меньшей мере отдельные ее части – висит в воздухе, будто дым. Завеса темных волос, узкие плечи, рука, словно протянутая, чтоб коснуться Оливии.

Та удивленно отскакивает, думая, что гуль исчезнет. Но он не исчезает, а поворачивается спиной и стремительно уносится вдаль, то пропадая из виду, то появляясь, как силуэт в череде фонарей на темной улице.

Да стой же, думает Оливия, но призрак ускользает от нее в конец коридора и проходит прямо сквозь дверь. Огарок едва не гаснет, когда Оливия торопится следом, топоча по ковру, распахивает створку в непроглядную тьму и шагает внутрь. В тусклом свете видно, что она очутилась в кабинете с высокими потолками и без окон. Оливия оборачивается вокруг, обыскивая углы, но гуль исчез.

Она судорожно вздыхает. Ей всегда было любопытно, связаны ли гули с Мерилансом? Школе они не дают покоя или ей, Оливии? Похоже, дело не в здании.

Она уже поворачивается к выходу – пламя свечи у нее в руке колеблется, озаряя книжные полки, стол темного дерева, – но вдруг замечает какой-то изогнутый металлический предмет.

Нахмурясь, Оливия подходит к столу, где громоздится штука странной формы, почти с нее саму ростом.

Если для этого существует название, Оливия его не знает.

Выглядит предмет механическим. Наполовину часы, наполовину – какая-то скульптура. Что-то вроде… сферы из концентрических колец, расположенных под разными углами. Вблизи становится видно, что в сфере заключены два дома, каждый балансирует на собственном кольце.

Пальцы сами собой дергаются. Оливия не в силах избавиться от ощущения, что от малейшего толчка равновесие нарушится и скульптура, разлетевшись на

части, рухнет на пол. И все же сдержаться тяжело.

Она уже заносит руку, и…

Позади раздается скрип двери.

Оливия разворачивается – увы, слишком быстро, свеча в руке гаснет, комната погружается во мрак. Сердце охватывает страх, внезапный и пронзительный. Оливия выскакивает из кабинета, яростно моргая и надеясь, что зрение прояснится. Но ставни закрыты, а тьма в доме густа, как сироп. Оливия на ощупь пробирается назад, твердя себе, что не боится темноты, но с такой темнотой ей встречаться не доводилось. Дом словно разрастается вокруг, коридоры разветвляются, множатся, и наконец Оливия понимает – она точно заблудилась.

Но вдруг мрак рассеивается, и вот Оливия уже способна различить окружающую обстановку. Где-то справа есть свет. Неяркий, тусклый и белый. Она сворачивает в узкий проход и попадает в еще один холл, меньшего размера, чем парадный. А в самом конце его – дверь.

В этом доме два вида дверей.

Те, что ведут из комнаты в комнату, и те, что ведут наружу. Эта – из последних. Слабый свет проникает сквозь небольшое оконце, встроенное в массив створки. Чтобы заглянуть в него, нужно встать на цыпочки и увидишь: в небе, рассыпая по саду серебристые нити, висит полумесяц.

Сад. Тот самый, что Оливия впервые заметила, когда машина подъехала к дому. Обещание чего-то прекрасного, спрятанного от чужих глаз.

Даже в темноте зрелище великолепное. Деревья и увитые розами решетки, дорожки, ухоженные цветы и лужайки. Распахнуть бы дверь и выбежать в ночь, пройтись по траве босиком, погладить бархатистые лепестки роз, улечься на скамейке под луной, надышаться этой красотой, пока не отослали прочь.

Оливия дергает дверь, но та заперта.

Она запускает руку в карман ночной сорочки, жалея, что не захватила отмычки, и вдруг нащупывает золотой ключик от своей спальни. Форма у него самая простая, похожая на обычную букву «Е».

Если в доме так много дверей, неужели хозяева захотят делать больше одного ключа? Оливия вставляет свой в прорезь замка и, затаив дыхание, поворачивает, ожидая встретить сопротивление. Но вместо этого слышит приятный щелчок освобожденного язычка.

Ручка прохладная, и когда Оливия на нее нажимает, створка со вздохом поддается, чуть открывается – лишь на волосок, впуская холодный ночной воздух, и…

Из тьмы возникает человек и прямо сквозь деревянную дверь врывается в вестибюль. Половины лица нет, Оливия пятится от двери и от этого человека, который и не человек вовсе, а гуль.

Он хмуро взирает на нее единственным глазом и простирает испачканную руку, но не приветствуя, а предостерегая. Гуль не может коснуться, убеждает себя Оливия, его здесь нет, однако призрак шагает вперед, сжимая кулаки, девочка разворачивается и мчится по темному дому вслепую. Неведомо как отыскав лестницу, бежит наверх в свою спальню и плотно закрывает за собой дверь.

Пусть это всего лишь дерево, за закрытой створкой Оливии спокойнее.

Кровь стучит в ушах, Оливия забирается под одеяло, закрывшись дневником матери, будто щитом. Она в жизни не боялась темноты, но сегодня зажигает лампу. А когда садится спиной к изголовью, чтобы следить за малейшим движением теней в комнате, понимает – ключ остался внизу.

Глава седьмая

Как заснула, Оливия не помнит. Не помнит и как вставала, но, должно быть, все же поднималась, ведь уже утро, а она сидит за столом перед окном. Ставни распахнуты, в комнату струится теплый и яркий свет, он падает на стол, руки Оливии, дневник с золотистым оттиском «Г» на обложке.

Это дневник ее матери, но другой. Красный, а не зеленый, на обложке нет двойной борозды, а когда Оливия листает страницы, надписи расплываются и размываются, пока она силится их прочитать.

Оливия щурится, пытаясь найти в буквах смысл, уверенная, что они вот-вот сольются в слова. Вдруг на ее плечо ложится рука, прикосновение мягкое и теплое, но когда Оливия поворачивает голову посмотреть, видит: плоть сгнила, сквозь кожу просвечивает кость.

Резко ахнув, Оливия садится. Она все еще в постели, ставни закрыты, в щели просачивается свет.

Сердце колотится, голова кружится, и вскоре Оливия понимает, что это было – всего лишь сон. Однако он уже ускользает из памяти, подробности размываются, и Оливия прижимает ладони к глазам, пытаясь вспомнить.

Не руку гуля, а дневник.

Оливия сбрасывает простыни, подходит к столу. Ей почти кажется, что она найдет там красную книжицу, но ее нет.

Взгляд падает на ящик стола и отверстие для ключа – маленькое, будто чернильное пятно. Оливия тянет за ручку. Ящик не поддается, но замок – препятствие пустяковое, шпилька для волос вскрывает его за пару секунд.

Внутри лежит утыканная иглами подушечка и маленькие пяльцы – на светлой ткани наполовину вышитые маки.

Чернильница, несколько набросков на истрепанных листах и пара почтовых бланков с изящным тиснением: «ГП».

Грейс Прио?р.

Ну конечно… Это была комната ее матери.

Оливия проводит ладонью по столешнице: дерево с годами стало гладким. Повинуясь странному порыву, она возвращается в кровать, ворошит смятую постель и, наконец, выуживает дневник матери. Тот, что всегда у нее был, с потертой зеленой обложкой.

Оливия аккуратно кладет его на стол. Для дневника там нет впадины, ни выбеленного солнцем пятна на дереве, и все же она будто на своем месте. Симпатичная зеленая книжица, что казалась столь чужеродной в Мериланcе, здесь – словно дома, вписывается в обстановку, как выполненные одной рукой рисунки.

Оливия выдвигает кресло, садится и кладет руки на обложку, воображая себя в образе матери. Ее снова одолевает сон, и она закрывает глаза, пытаясь вспомнить что-нибудь еще, пока образ не стерся совсем.

Кто-то костяшками пальцев барабанит в дверь, и Оливия вздрагивает. Быстро смахивает дневник в ящик, словно это секрет, поднимается на ноги, и тут в комнату, будто порыв ветра, влетает Ханна, придерживая на бедре поднос.

– По утрам в доме холодно, – приветливо говорит она. – Так что я решила, согреться тебе не помешает.

Оливия благодарно кивает и отходит в сторонку, а Ханна водружает поднос на стол и тянется к окну, чтоб открыть защелку ставен. Те распахиваются, и комната наполняется свежим воздухом и лучами солнца.

А потом Ханна вдруг достает из кармана золотой ключик и кладет на стол. Железо с упреком звякает о дерево, и Оливия вздрагивает.

– Ты не должна выходить из дома в темноте, – заученно говорит Ханна, будто твердит правило.

В Мериланс е была целая куча правил. Большинство казались бессмысленными пустышками, существовавшими лишь для того, чтобы продемонстрировать: школой правят матушки. Но глаза Ханны горят подлинной тревогой, потому Оливия кивает, хотя не проведет здесь больше ни одной ночи.

Выглянув в окно, она понимает, что ее комната расположена в передней части дома – окна выходят на подъездную аллею, ленту шоссе и далекую арку с надписью «ГАЛЛАНТ».

Оливия смотрит вниз, но не видит машины, которая ожидала бы ее, чтобы снова отвезти в Мериланс, только фонтан и в его центре фигуру женщины из светлого камня.

Ханна опускает взгляд на ящик стола: из замка все еще торчит шпилька. Затаив дыхание, Оливия готовится к упрекам, но Ханна только негромко и искренне фыркает.

– Твоя мама тоже была очень любопытной.

Оливия тут же вспоминает, как Эдгар сказал, что Ханна живет в доме дольше всех, и та, наверное, замечает невысказанный вопрос на лице девочки, кивает и говорит:

– Да, я знала Грейс.

Грейс, Грейс, Грейс… – эхом звучит в голове Оливии.

– Мэтью ее не помнит. Он был еще ребенком, когда Грейс нас покинула, но я уже жила здесь, когда она родилась. Я была здесь, когда она убежала. Весь дом – то, что от него осталось, – ждал ее возвращения, но я понимала, этому не бывать.

«Расскажите мне, – знаками показывает Оливия, надеясь, что Ханна прочтет если не по жестам, то по ее глазам, как ей нужно это узнать. – Расскажите всё!»

Ханна с неожиданно усталым видом опускается в кресло, пробегает пальцами по волосам; в каштановых локонах проглядывают серебристые нити. Оливия наливает ей чашку чая, но Ханна только фыркает, пей, мол, сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» Джона Баньяна – одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы.

Купить: https://tellnovel.com/shvab_viktoriya/gallant

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити